

Н. А. БАКЛАНОВА

К вопросу о датировке «Повести о Фроле Скобееве»

Основной задачей, стоящей перед исследователем «Повести о Фроле Скобееве», является определение даты ее составления. От разрешения этой задачи зависит трактовка ряда других вопросов, связанных с данной «Повестью». Поэтому все исследователи, специально занимавшиеся «Повестью о Фроле Скобееве» или хотя бы упоминавшие о ней в своих работах, должны были в той или иной форме коснуться и ее датировки.

Ввиду того что обзор литературы, относящейся к «Повести о Фроле Скобееве» (вышедшей до 1934 г.), обстоятельно сделан В. Ф. Покровской,¹ нет необходимости возвращаться к нему вновь. Можно ограничиться только замечанием, что большинство исследователей относит «Повесть» к XVII в., точнее, к последней четверти его. Возможно, что на такое решение оказала известное влияние дата «1680 г.», поставленная в двух списках: Ундольского и Титова, так же как и произвольно поставленная дата в другой повести, близкой по времени к нашей, — «Повести о Савве Грудцыне». Кроме того, в обеих повестях речь идет о событиях, происходивших в XVII в. Эти обстоятельства, видимо, и повлияли на решение исследователей о датировке «Повести», а затем невольно повлекли за собой толкование отдельных фактов, слов, выражений в том смысле, чтобы они подержали такую точку зрения. Лишь Н. Н. Кононов,² оговорившись, что «время составления повести не ясно», все-таки пришел к выводу, что «автор жил не в XVII в., а несколько позже: в Петровское или близкое к последнему время». Промежуточную позицию занял И. Е. Забелин, считавший, что «Повесть» написана в XVIII в. на основании устного рассказа, относящегося к предшествующему столетию.³ Н. К. Гудзий, ранее датировавший «Повесть» концом XVII в., в последнем издании своей Хрестоматии несколько изменил точку зрения (без какой-либо новой аргументации): «Время ее возникновения — самый конец XVII в. — канун Петровских реформ, быть может, начало XVIII в.»⁴

Такая неопределенность в решении вопроса о дате «Повести», а также, как увидим ниже, о месте ее составления и об авторе, вызывает желание еще раз вернуться к этим сюжетам.

Работа над «Повестью» затрудняется крайне незначительным количеством дошедших до нас списков ее. Известно всего семь списков, из которых

¹ В. Ф. Покровская. Повесть о Фроле Скобееве. ТОДРА, т. I. М.—Л., 1934, стр. 249—297.

² Древности, Труды Московского археологического общества, т. V. М., 1911, Протоколы 91-го заседания 2 декабря 1906 г., стр. 6—7.

³ Иван Забелин. Заметки о старинных повестях. Опыт изучения русских древностей и истории, ч. 1. М., 1873, стр. 192—193.

⁴ Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков. Изд. 5, М., 1955, стр. 416.

два мы знаем только по напечатанным текстам, так как подлинники их утрачены, три не имеют конца и только два являются полными.⁵ Лишь один из списков — Ундольского⁶ — по почерку может быть отнесен к первой половине XVIII в. (бумага списка не имеет водяных знаков). Остальные принадлежат более позднему времени.

В. Ф. Покровская полагает, что существующие списки «Повести» можно разбить на две группы: более раннюю, краткую, и более позднюю, пространную. «Принимая в качестве рабочей гипотезы, — пишет она, — движение от краткого варианта ко все более распространенному — чем дальше от события, тем подробнее оно излагается, так как все менее становится воспоминание о нем, — следует Тихонравовскому списку отдать предпочтение как самому краткому и, следовательно, более раннему». Различие в этом списке фамилий действующих лиц по сравнению с другими списками автор объясняет близостью его к описываемым событиям: «нужны были более далекие псевдонимы».⁷ Думаем, что гипотеза В. Ф. Покровской не подтверждается наблюдениями над произведениями древней русской литературы: не всегда более поздние редакции являются и более распространенными; бывают случаи, когда они содержат и сокращения более древнего текста. Что касается «псевдонимов», то этот довод едва ли может иметь значение для рассматриваемого времени. Ведь «Повесть о Фроле Скобееве» не предназначалась для печати и как рукопись безымянного автора не нуждалась в цензуре. Другое наименование фамилий скорее говорит об обратном: в период, к которому относится данный список, фамилии, поставленные в списках более раннего происхождения, уже утратили связь с реальными лицами и потому легко были заменены другими. Принятое В. Ф. Покровской деление списков «Повести» на две группы не может быть проведено отчетливо, так как в каждой из них можно найти и вставки, и сокращения по сравнению с другой. Справедливо выделение ею стоящего особняком списка Забелинского,⁸ как более позднего по сравнению с остальными.⁹ Если в сохранившихся списках нельзя наметить существенных различий (за исключением списка Забелинского), то не приходится говорить о наличии нескольких редакций, отстоящих одна от другой по времени их составления.

Перейдем теперь к более детальному рассмотрению исторических данных «Повести».

Еще Н. Н. Кононов в приведенном выше сообщении установил из наблюдений над текстом «Повести», что она не могла быть написана ранее 1652 г., так как в ней упоминаются вотчины стольника Нардина-Нащокина, находившиеся в Симбирском уезде, а Симбирск был построен в 1652 г. С другой стороны, в журнале «И то и сию» за 1769 г. «Повесть о Фроле Скобееве» значится в числе «разных (рукописных, — Н. Б.) историй, которые продаются на рынке».¹⁰

Промежуток между этими двумя крайними датами, определяющими время составления «Повести», охватывает более чем столетие и может служить лишь отправной точкой для дальнейших разысканий.

Попробуем обратиться к другим данным для разрешения интересующего нас вопроса. Начнем с терминологии «Повести» и ее языка. Эта сто-

⁵ Более подробную характеристику списков «Повести» см. в работе В. Ф. Покровской «Повесть о Фроле Скобееве» (стр. 260—263).

⁶ ВБЛ, собр. Ундольского, № 945.

⁷ В. Ф. Покровская. Повесть о Фроле Скобееве, стр. 263.

⁸ ГИМ, Отдел рукописей и старопечатных книг, Забелинский сборник, № 536.

⁹ В. Ф. Покровская. Повесть о Фроле Скобееве, стр. 263.

¹⁰ Древности, т. V. Протоколы 91-го заседания 2 декабря 1906 г., стр. 6.

рона привлекала внимание предшествующих исследователей. На основании ее Н. Н. Кононов и пришел к мысли о том, что «Повесть» составлена в XVIII в. Обилие новых слов и выражений, не употреблявшихся в XVII в., многие исследователи объясняли позднейшими наслоениями. Это соображение нельзя принять, так как, во-первых, указанные особенности характерны для всех списков с некоторыми вариантами, во-вторых, в «Повести» не встречается терминов и оборотов речи, присущих XVII в. Если бы «Повесть» восходила к тому времени, в ее языке должны были бы остаться какие-нибудь следы этого. Единственным термином XVII в. в «Повести» является «возник» (упряжная лошадь). Но это слово мы встречаем в качестве употребительного в «Толковом словаре» Даля.¹¹ Следовательно, оно существовало и в XVIII в. М. А. Соколова, относящая «Повесть» к концу XVII в., насчитывает в ее словаре лишь четыре слова, «принимаемых за заимствования Петровской эпохи», но и они, по ее мнению, «могли появиться в языке несколько ранее» этого времени.¹² Н. А. Смирнов, на словарь которого ссылается М. А. Соколова, приводит целый ряд иностранных слов, вошедших в русский язык в первую четверть XVIII в.¹³ Многие из них встречаются в «Повести о Фроле Скобееве». Таковы, например, слова: «банкет», «квартира», «персона», «публикация», «реестр». Картотека словаря древнерусского языка, составленная Институтом языкознания АН СССР, содержит сведения, указывающие, что некоторые из этих слов имеются в памятниках XVII и даже XVI в. Так, например, слово «банкет» впервые встречаем под 1634 г. в распросных речах пленного поляка, а во второй раз в 1660 г. в показаниях польского ксендза и, наконец, в третий раз в 1699 г. в стейном списке русского посольства на Карловицком конгрессе: «... сего дня у цесарцев банкет на посредников».¹⁴ В двух первых случаях мы имеем дело с показаниями иностранцев, дававшимися, вероятно, на польском языке, причем переводчик не для всех слов сумел найти соответствующие им русские обозначения. Так, остались непереуведенными «комиссия», «календир», «маетности шляхетские», «шляхта». К числу таких слов надо присоединить и «банкет». Что касается выражения 1699 г. «сего дня у цесарцев банкет на посредников», то самая синтаксическая неправильность его указывает, что переводчиком был не русский, а кто-либо из иностранцев, служивших в Посольском приказе. Таким образом, употребление слова «банкет» в дипломатических документах XVII в. вовсе не указывает на то, что оно вошло в литературный язык этого времени. Значительно позже рассматриваемого периода Н. Г. Курганов в своем «Письмовнике» счел нужным дать объяснение слова «банкет» — «пир», «пиршество».¹⁵

В картотеке словаря древнерусского языка слово «квартира» впервые помещено под 1696 г.¹⁶ Однако в документах, содержащихся в этом сборнике, речь идет о «съезжих и постоялых дворах», слово же «квартира»

¹¹ В Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1, А—З, стр. 228.

¹² М. А. Соколова. К вопросу о времени и месте возникновения повести о Фроле Скобееве. Научный бюллетень Ленинградского государственного университета, № 3, А, 1945, стр. 33—34.

¹³ Н. А. Смирнов. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СОРЯС, т. 88, № 2. СПб., 1910.

¹⁴ Акты Московского государства, т. I, стр. 581; т. III, стр. 80; Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными, т. IX, стр. 447.

¹⁵ Н. Г. Курганов. Письмовник, ч. II. СПб., 1790, стр. 220

¹⁶ Воронежские петровские акты, хранящиеся в архиве Воронежского губернского статистического комитета, вып. 1. Изд. Воронежского губернского статистического комитета, Воронеж, 1872.

употреблено в заглавии к одному из документов (стр. 58), причем это заглавие составлено уже в XIX в.

Слово «персона» в XVII в. употреблялось в несколько ином произношении («парсуна») для обозначения портрета. Но «персона» как лицо встречается лишь в XVIII в. Единственное исключение находим в речи шведского посла Эриксона в 1590 г., в переводе которой читаем: «...государь наш своею персоною болен».¹⁷ По причинам, указанным выше, при рассмотрении слова «банкет», считаем и этот пример не характерным.

Слово «реестр» в картотеке Института языкознания встречается впервые в сочинениях князя А. Курбского: «А ты всех книг, которая что в себе имеет, приписавый, реестра посылаю до вашей милости»,¹⁸ затем под 1658 г.: «... и по реестру подать» (литовцам) и под 1674 г.: «... в реестре писать, которые старые казаки...».¹⁹ Эти примеры также нельзя считать характерными для русского литературного языка XVI и XVII вв., так как лексика Курбского вообще находилась под сильным западным влиянием, а две последние цитаты относятся к литовцам и украинским казакам, среди которых слово «реестр» было употребительным уже в XVII в.

Остается еще выражение «движимое и недвижимое имение» стольника Нардина-Нащюкина, наследником которого он сделал Фрола Скобеева. Слово «имение» в значении имущества очень давнее. Его можно встретить в летописях, в житиях. Но приведенное сочетание слов появляется только в XVIII в. Нам оно встретилось впервые под 1716 г., когда подполковник драгунского эскадрона Григорий Жеребцов писал в своем челобитии, что после его отца «остались движимые и недвижимые имения».²⁰

Кроме указанных, в «Повести» имеется еще немало слов и оборотов, неизвестных XVII в.; например: «вечеринка», «во время увеселительных вечеров», «поверенный с делами», «живет роскошно».

Таким образом, рассмотрение иностранных слов, встречающихся в «Повести о Фроле Скобееве», приводит к следующему заключению. Отдельные слова находим в памятниках более раннего происхождения. Однако можно отметить лишь один случай, когда иностранное слово встречается в частной переписке, притом у автора, находившегося под сильным западным влиянием. Во всех же остальных случаях интересующие нас слова находятся в официальных документах, и преимущественно дипломатических (большой частью иностранного происхождения). Поэтому их употребление никоим образом не может указывать на то, что они вошли в русский литературный язык. В данном отношении характерно объяснение Кургановым слова «банкет».

Итак, перечисленные примеры показывают, что «Повесть» довольно обильно насыщена иностранными словами, неупотребительными в русском языке XVII в., причем эти слова и выражения встречаются с некоторыми вариантами во всех списках. Поэтому их нельзя считать позднейшими вставками. Таким образом, терминология «Повести» указывает на XVIII в., а не на XVII.

О том же говорят и денежные суммы, указания на которые встречаем в «Повести». Фрол щедро раздает «чаевые», как бы мы теперь сказали. Один раз он дает мамке Аннушки два рубля, потом пять рублей. Для XVII в. это очень крупные суммы. За пять рублей можно было тогда ку-

¹⁷ Сборник Русского исторического общества, т. 129, стр. 132.

¹⁸ РИБ, т. 31, Лист князя А. Курбского до Марка, ученика Артемия, стр. 417.

¹⁹ ДАИ, т. IV, стр. 138; СГГД, ч. IV, стр. 308.

²⁰ Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате, т. 6. СПб., 1881, стр. 117.

пить, например, лошадь. Учитывая то обстоятельство, что Фрол Скобеев был «небогатым дворянином» Новгородского уезда, трудно допустить, чтобы он мог легко располагать такими суммами.²¹ Аннушка дает Фролу 2000 рублей. Это огромная сумма для XVII в. Тем более невероятно, чтобы она могла быть в руках у девушки, находившейся в зависимости от своего отца. Это совершенно противно всем правилам Домостроя, руководившим жизнью женщины высшего круга в XVII в.

Также совершенно немыслимо было в XVII в. отпустить дочь стольника в карете одну, без сопровождающих женщин, в гости в Новодевичий монастырь. В. Ф. Покровская указывает на аналогичный случай, имевший место в Москве в 1653 г.²² Но, во-первых, там речь шла о простой девушке-«сиротке», находившейся на воспитании у монахини Вознесенского монастыря, а не о стольничьей дочери, а во-вторых, и эта девушка была отпущена только с пришедшей за ней женщиной.²³ Самостоятельная поездка Аннушки — предвестник той свободы, которой женщины пользовались на ассамблеях.

Наконец, дата, имеющаяся в двух списках «Повести», — «1680 г.» — никак не может говорить в пользу отнесения ее к XVII в., так как в последнем случае стоял бы не «1680 г.», а «7188 г.» или «188 г.». Если даже считать списки с этой датой (Ундольского и Титовский) более поздними по сравнению с другими (что трудно доказать), то все же разница между ними так невелика, что и расстояние по времени не может быть значительным.

Итак, ни терминология «Повести», ни отдельные реалии, встречающиеся в ней, не дают возможности возводить время составления ее к XVII в. Самым же существенным, на наш взгляд, доводом в пользу отнесения «Повести» к XVIII в. является трактовка автором ее основной темы. В «Повести» противопоставляются, с одной стороны, предстатели старых служилых «чинов» — стольники Нардин-Нащокин и Ловчиков, с другой — небогатый городской новгородский дворянин Фрол Скобеев. Большинство исследователей «Повести», опираясь на то, что в ней фигурируют «стольники» — один из разрядов служилых людей московского чина, — относило не только время действия, но и самое составление ее к XVII в.

Рассмотрим этот вопрос детальнее. В «Повести» мы не видим стольников как действующих членов правящей группы. Наоборот, они изображены как остатки отживающей старины. Им противопоставляется преуспевающий в жизни небогатый городской дворянин, промышленяющий в то же время «хождением за делами», Фрол Скобеев. Стольники относятся пренебрежительно к нему, награждая его такими неслестными эпитетами, как «плут», «ябеда», но победителем из столкновения нового со старым выходит представитель нового поколения. Через все содержание «Повести» проходит презрительное отношение автора к старому чиновному миру. Его симпатии на стороне пронырливого, беспринципного Фрола Скобеева.

«Повесть» проникнута атмосферой ломки всего чиновного строя. Служилые люди разделялись в XVII в., как известно, на чины, а последние на разряды. В высший, «думный», чин входили бояре, окольные и думные дворяне. Второй, «московский», чин состоял из стольников, стряпчих, дворян московских и жильцов. В последний входили дворяне городовые и дети боярские. Эта структура, унаследованная от XVII в., держалась

²¹ В начале XVII в. высший годовой денежный оклад городского дворянина не превышал 14 рублей, в конце века он несколько возрос.

²² В. Ф. Покровская. Повесть о Фроле Скобееве, стр. 255.

²³ И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI—XVII вв. Изд. 3, М., 1901, стр. 450 и сл.

вплоть до издания Табели о рангах в 1722 г., установившей новое деление, но не отменившей старого. Она просто обошла его молчаливым. Старые чины не были официально упразднены, но в них перестали назначать, прекратив имевшим их доживать свой век. В московские чины перестали записывать: в высшие разряды в 1695, а в низшие — в 1703 г.²⁴ Однако делались исключения. Так, 28 января 1712 г. С. Я. Тургенев был пожалован из стольников в думные дворяне.²⁵ Последнее пожалование в чин боярина относится, кажется, к 1699 г., когда это звание получил И. А. Мусин-Пушкин.²⁶ Отдельные лица сохраняли свои старые звания и в половине XVIII в. Так, например, князь И. Ю. Трубецкой носил звание боярина до своей смерти в 1750 г.²⁷ Во втором десятилетии XVIII в. служебные росписи содержат большое количество носителей старых московских чинов. С 1712 г. правительством начали применяться меры к насильственному переселению служилых людей на о. Котлин и в новую столицу. В списке лиц, назначенных к переселению, наибольшее число составляют имена стольников, их названо 445 человек.²⁸ В последующие годы московские чины начинают реже встречаться в перечислениях служилых людей. Сначала наравне с ними, а затем и преимущественно называются «палатные люди» (вместо «думных»), «царедворцы» (вместо «думных» и «московских») и «шляхетство» (вместо прежних «городовых»). Постепенно последнее наименование начинает применяться ко всем служилым людям вообще. Лишь позднее входит в употребление аналогичный ему термин «дворяне».²⁹

Этот период отмирания старых чинов и укрепления нового типа служилого человека и отражен в «Повести о Фроле Скобееве». Время составления ее следует отнести ко второму десятилетию XVIII в. С одной стороны, она не могла быть написана ранее 1710 г., к которому относится производство переписи (Нардин-Нащокин сказал Фролу Скобееву: «Имею я вотчины и в Сибирском уезде, по переписи состоят в трех стах дворах»). С другой стороны, она предшествовала изданию Табели о рангах, которая уже не упоминает старых чинов, в «Повести» же Фрол Скобеев действует еще как городской дворянин. Автором «Повести» был человек, близкий по занятиям и складу к Фролу Скобееву, симпатией к которому проникнута «Повесть».

М. А. Соколова полагает, что «Повесть» была составлена «на юге, а не на севере Московского государства, о чем свидетельствуют как данные ее словаря, так и элементы аканья, наличествующие во всех списках».³⁰ Но и словарь «Повести», и элементы аканья характерны не только для южных

²⁴ «А в стольники, и встряпчие, и в дворяне с 695, а в жите с 703 года в Розряде в те чины не пишут» (Н. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. IV, ч. 2. СПб., 1863, Приложения, стр. 488).

²⁵ Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате, т. 2, кн. 1. СПб., 1880, № 83.

²⁶ М. М. Богословский. Петр I. Материалы для биографии, т. IV. М., 1948, стр. 249.

²⁷ В. А. Евреинов. Гражданское чинопроизводство в России. СПб., 1888, стр. 31.

²⁸ Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате, т. 2, кн. 2. СПб., 1882, № 658.

²⁹ Постепенное изменение от старой терминологии к новой можно проследить по законодательным актам, напечатанным в Полном собрании законов. Для примера укажем: т. III, 1694 г., №№ 1506, 1507; 1695 г., № 1524; 1696 г., №№ 1544, 1554; 1697 г., № 1568; т. IV, 1707 г., № 2181; 1711 г., № 2334; 1712 г., №№ 2466, 2467, 2542, 2593; т. V, 1713 г., №№ 2625, 2627, 2650, 2663, 2684, 2685, 2695; 1714 г., №№ 2770, 2771, 2779, 2845, 2925; 1718 г., № 3184; 1719 г., № 3320.

³⁰ М. А. Соколова. К вопросу о времени и месте возникновения повести о Фроле Скобееве, стр. 34.

областей государства, но и для Москвы. За то, что «Повесть» написана в Москве, говорит ряд топографических данных, встречающихся в ней. Автор знает Ивановскую площадь в Московском Кремле. Правда, он считает ее местом собрания стольников, чего в действительности в XVII в. не бывало. Стольники собирались на Постельном крыльце — площадке Кремлевского дворца, с которой объявлялись указы и на которой можно было услышать все новости, касавшиеся служебных назначений. Этот характер Постельное крыльцо не утратило и в самом конце XVII в. Так, в 1699 г. стольников, стряпчих и жильцов, вызванных на смотр, «смотрели» генералы на Постельном крыльце.³¹ Некоторые из стольников — «комнатные», — стоявшие ближе к царю, имели доступ в его личные покои — «комнаты», откуда и получили свое название.³²

Ивановская же площадь, находившаяся около колокольни Ивана Великого, была местом сбора «площадных» подьячих. Там помещалась «полатка», в которой писались челобитные. То обстоятельство, что автор смешал Постельное крыльцо и площадку на нем с Ивановской площадью, лишний раз указывает на то, что в период составления «Повести» Постельное крыльцо с переездом царя в новую столицу уже утратило свое значение. Однако часть «знатных персон», с которыми свел знакомство Фрол Скобеев, несмотря на грозные указы, еще оставалась в Москве и всячески оттягивала свой переезд в новый «парадиз». Кремлевские здания ветшали. Чиновная Москва постепенно замирала, ее приказы малопомалу прекращали свое существование. На смену им вскоре пришли коллегии, но их образование еще не нашло отражения в «Повести».

Знает автор и Успенский собор в Кремле, и Новодевичий монастырь, в кельях которого доживали свои дни многие представительницы аристократического мира Москвы. Вероятно, поэтому автор и поместил сюда сестру стольника Нардина-Нащокина.

Изложенные выше наблюдения приводят к выводу, что «Повесть о Фроле Скобееве» написана в Москве. Автором ее был мелкий дворянин, избравший своей профессией «хождение за делами», подобно герою его «Повести». Относясь пренебрежительно к старому чиновному миру, отживающему свой век, автор выдвигает в противовес ему новый тип ловкого пройдохи, который завоевывает себе право на существование всеми доступными ему средствами, независимо от их моральной сущности. Этот тип дельца характерен для Петровского времени. При Петре вместо «породы» в основу служебной карьеры легли личные качества: сметливость, сноровка, способность к труду. Они открывали обладателю их возможность выдвижения по службе и достижения высоких степеней. В январе 1712 г. был издан именной указ: «Сказать всему шляхетству, чтоб каждый дворянин во всяких случаях (какой бы фамилии не был) почесть и первое место давал каждому обер-офицеру, и службу почитать и писаться только офицером, а шляхетству (которые не в офицерах) только то писать, куда разве посланы будут».³³ Этот указ хорошо выражает новую точку зрения. Однако открывшаяся возможность продвижения по служебным ступеням имела и свою оборотную сторону. Слишком велик был соблазн использовать ее в своих личных интересах. Нередко пускались в ход клевета, наговоры на соперников, подкупы, взятки, процветало казнокрадство. Если об-

³¹ Записки Желябужского с 1682 по 1709 г. Изд. Российской Академии, СПб., 1840, стр. 145—146.

³² И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей, ч. 1. М., 1895, стр. 306.

³³ Полное собрание законов, т. IV, № 2467. Здесь новые, достигнутые выслугой чины противопоставляются прежним, «природным», причем преимущество явно на стороне первых.

рагаться к биографиям видных деятелей Петровского времени, то редкий из них в той или иной степени не обладал этими качествами. Многие побывали под судом, одни отделялись штрафами или наказанием кнутом, другие — ссылкой, а некоторые платились жизнью. Но и самые крутые меры не помогали. Взятничество и казнокрадство, характерные для высшего чиновничества, проникали по служебной лестнице до ее низших ступеней, и правительство было бессильно с ними бороться. В виде примера можно привести два указа, касающиеся писания «крепостей» площадными подьячими. Со времен Уложения 1649 г. для этой цели была отведена «полатка» на Ивановской площади, но в декабре 1699 г. велено было прекратить работу площадных подьячих и писать документы просителям только в приказах. Мотивом для такого решения было установление лучшего контроля и предупреждение злоупотреблений. Однако результаты оказались обратными. Волокита и взяточничество еще более увеличились. Указ пришлось отменить в начале 1701 г. и вернуться к прежнему порядку.³⁴

«Повесть о Фроле Скобееве» представляет собою новый вид литературного произведения по сравнению с повестями XVII в. В противоположность им в ней отсутствует назидательный элемент и проповедуется беспринципный практицизм. В характере этой «Повести» есть нечто, что сближает ее с предшествующей ей на несколько лет по времени написания «Повестью о Савве Грудцыне». Авторы обеих повестей уводят читателя в прошлое; для большей убедительности они даже приурочивают действие своего рассказа к определенной дате. Однако этот «историзм» плохо удается. Несмотря на поставленные даты и на введение некоторых черт из прошлого (например, сцена со стольниками на Ивановской площади в «Повести о Фроле Скобееве» или Смоленская война в «Повести о Савве Грудцыне»), и в той и другой повестях чувствуется сильная модернизация материала. Это еще только начатки историко-бытовой повести. В действительности авторы описывают быт не прошлого времени, а современный им самим. Можно провести известную аналогию между этими повестями и тем, как народные картинки Петровского времени наряжают исторических героев далекого прошлого в костюмы XVIII в.

---

³⁴ Полное собрание законов, т. IV, № 1833.